

РУССКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА (НА МАТЕРИАЛАХ РАБОТ А.П. САПУНОВА И В.К. СТУКАЛИЧА)

М.В. Заб лощкая

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова, Беларусь

Белорусский край известен с древнейших времен. Белорусское племя довольно рано начало стремиться к образованию государственности. В удельно-вечевой период русской истории в этнографических пределах Беларуси образовался ряд княжеств, которые тянулись к богатому и сильному княжеству Полоцкому, в XI–XII веках являвшемся одним из самых могущественных на Руси. Именно полочане были сильны

-
- 1 Грыгор'ева В.В., Завальнюк, У.М., Навіцкі, У.І., Філатава А.М. Кацфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.). Мінск, 1998; Іванова, Л.С. Рэфармацыйны рух на Беларусі (другая палова XVI – першая палова XVIII // Беларускі гістарычны часопіс. 1997. №2. С. 52 – 72; Карев, Д.В.. Изучение истории христианской культуры народов ВКЛ в восточнославянских историографиях новейшего времени (основные тенденции и проблемы) // Веснік ГрДУ ім. Я.Купалы. 2007. Сер.1. №4(60). С. 47 – 51; Марзалюк, І.А. Гісторыя рэлігіі Беларусі (X – XVIII стст.). Магілёў, 1998.; Марзалюк, І.А. Этанаканфесіянальныя і сацыякультурныя стэрэатыпы насельніцтва беларускіх зямель у X – XVII стагоддзях: аўтарэф. дыс. ... докт. гістар. навук. Мінск, 2003; Марозава, С.В. Уніяцкая царква у культурна-гістарычным развіцці Беларусі (1569 – 1839 гг.). Гродна, 1990; Саверчанка, І. Aurea mediocritas: кніжна-пісьмовая культура Беларусі: адраджэнне і ранняя барока. Мінск, 1998.
- 2 Козловская, Н.В. Шляхта беларускіх зямель Велікага княжства Літоўскага: аўтарэф. дыс.кандыдат истор. наук. Мінск, 2001;

не только в государственном устройстве, но и в общественной жизни. К концу XII века полоцкая земля раздробилась на множество уделов. В XIII – первой половине XIV века Русь Западная, включая белорусские княжества, с Полоцким во главе, постепенно была включена в состав Великого княжества Литовского, в котором, благодаря своей численности и культурности, белорусское племя заняло главенствующее положение. На белорусском языке велось законодательство и управление, а православная вера быстро распространялась в кругу литовских вельмож. Именно к этому периоду относится возведение величественных храмов, имевших большое значение в религиозной и политической жизни края. Но с подписанием Люблинской унии 1569 года, закрепившей политическое, а спустя четверть века и религиозное соединение Литвы с Польшей, в Беларуси начались смуты и внутренняя неурядица. На протяжении почти двух столетий, Беларусь, разделенная на Западную и Восточную, была театром военных действий. «Поляки отняли у белоруса массу лучших земель, унизили национальность, истощили край, лишили способности правильно понимать и ценить своих предков, свой язык, свою прошлую историю»¹. Прошло 300 лет и в результате трех разделов Речи Посполитой, к России были присоединены, по выражению императрицы Екатерины II, «земли, издревле России принадлежавшие; грады, русскими князьями созданные, и народы общего с россиянами происхождения и им единоверные»². На момент соединения с Россией, Беларусь представляла собой следующую картину: «Насильственное и дерзкое подавление русской национальности и свободы вероисповедания; колонизированное и развращенное дворянство, относящееся с презрением и холодной жестокостью к забитой и угнетенной народной массе, еврейская сила, фанатическая, высокомерная, с ненавистью и эгоизмом относящаяся к коренному населению, засевавшая в городах и опирающаяся в своей разрушительной, по отношению к русской народности, деятельности на все влиятельные элементы польской государственности»³. «Народ и страна без прошлого и будущего...»⁴ – таково было господствующее мнение русского общества. Не удивительно, что Беларусь, ее история, богатство материальной и духовной культуры, особенности языка, быта, обычаев, традиций, отличный исторический менталитет белорусского народа в течение довольно длительного времени оставались темными вопросами для русского общественного сознания. Да и сам белорусский край рассматривался не как отдельная исторически сложившаяся этническая единица, а как часть более широкого района, именовавшегося: «Губернии, от Польши возвращенные», «Западный край», «Западная Россия», «Западная Русь», «Северо-Западный край», «Литва», «Литовско-Русское государство»⁵, а этноним «белорусь» вплоть до конца XIX века не приобрел общенационального содержания, что было обусловлено рядом факторов.

Во-первых, ни в одном из центральных учреждений не имелось точных сведений по статистике и этнографии Беларуси. Русская историческая наука и периодическая печать на слово верили источникам польского происхождения. Во-вторых, сосуществовали различные точки зрения по вопросу национальной принадлежности белорусского народа. Польские этнографы записывали белорусов в провинциальную разновидность польской нации, наряду с мазурами и малополяками, утверждая, что «белорус» и «питовец» – это крестные имена при общей фамилии «поляк». Некоторые

1 Стукалич В.К. Краткая заметка о белорусском наречии. Витебск, 1898. С. 3.

2 Сапунов А.П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и пределах Полоцкой епархии в частности. Витебск, 1910. С. 22.

3 Стукалич В.К. Белоруссия и Литва. Витебск, 1894. С. 12.

4 Стукалич В.К. Н.Я. Никифоровский. Витебск, 1910. С. 4.

5 Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М., 1973. С. 4.

литовско-латышские публицисты заявляли, что «белорусы – славянизированные литовцы». В русской литературе второй половины XIX в. вопрос о существовании белорусской народности вообще ставился под сомнение. В-третьих, процесс формирования белорусской нации с его самобытной культурой сдерживался общим направлением политики правительства Российской империи. Притом, что включение белорусских земель в состав Российской империи, несомненно, оказало значительное влияние на дальнейшее экономическое, общественно-политическое и культурное развитие населения Беларуси, результаты проводимых мероприятий, особенно во второй половине XIX века, не всегда имели позитивный и прогрессивный характер. По мнению ряда современных исследователей, главное направление политики самодержавия заключалось в следующем: политическое и экономическое подчинение присоединенных территорий; полная унификация по всероссийскому образцу в административно-территориальном аспекте; не признание белорусов самобытным народом в национально-религиозном вопросе. Положение еще более усугубилось после подавления восстания 1863 года, когда царизм перешел на путь интенсивной русификации. Православные священники, государственные чиновники, официальная печать настойчиво доказывали белорусам, что они – русские и не имеют никаких отличий, кроме локально-диалектных. Официальное положение государственного занял русский язык. Под особым контролем правительственных органов находилась белорусская печать. Был установлен административный надзор за учебными заведениями, библиотеками, театрами, типографиями и т.п. Русское влияние стало отражаться и в архитектуре. Административные здания, жилые дома, храмы строились в стиле русского классицизма.

Вместе с тем вопреки неблагоприятным политико-историческим условиям, в конце XIX века, начали формироваться основные признаки нации, хотя процесс этот тормозился рядом факторов. Одним из таких факторов являлся недостаток в людях, способных и склонных заняться беспристрастным изучением и обработкой истории прошлого, что было в большей степени обусловлено тем, что белорусская интеллигенция воспитывалась по преимуществу в польском, ложно-патриотическом духе, мало способствующему интересу к народной жизни и истории. Только в начале XX века в Беларуси начали появляться, большей частью из сравнительно беднейших слоев населения, люди, интересующиеся судьбами родного края, но в силу ряда обстоятельств, не имевшие возможность заявить себя достойным образом. К числу таких исследователей необходимо отнести Алексея Парфеновича Сапунова и Владимира Казимировича Стукалича – историков, краеведов, общественных и политических деятелей Полоцко-Витебского края, авторов многочисленных статей, отзывов на исследования, сборников официальных актов и документов, брошюр по истории, археологии, географии, этнографии.

Проживая в Витебске, далеко от центров развития исторической мысли, находясь под влиянием идей великодержавия и монархизма, до конца XIX века, А.П. Сапунов и В.К. Стукалич, как большинство их современников, рассматривали историю Беларуси в контексте постоянного тяготения к Великодержавии. «Здесь, на Белой Руси, у великих князей и царей московских, всегда было много искренних друзей, – писал Алексей Парфенович в одной из многочисленных краеведческих работ, здесь никогда не исчезала мысль о родстве с православной Великой Русью»¹. Замечалось оно, по мнению витебского краеведа, и в русско-литовском государстве, и во времена владычества поляков. «Говоря о Белоруссии, мы говорим: русский край, русская народность; говорим

¹ Сапунов А.П. Исторический очерк Витебской Белоруссии. Витебск, 1906. С. 31.

мы так потому, что белорусская народность – одна из основных народностей русского племени. Везде и во всем одно великое, обнимающее всех слово Русь...»¹ - писал историк. За одну из ветвей русского народа, наиболее близкую по физической и духовной организации с великорусской народностью принимал белорусское племя и В.К. Стукалич. «Духовная сущность каждого народа выражается в быте, языке, умственном складе нравственных начал, вероисповедании – писал историк. По всем этим признакам коренная масса населения Западного края была, есть и остается русской»².

Значительные изменения в сознании прогрессивной интеллигенции по вопросу культурно-исторического наследия белорусского края в начале XX века были во многом обусловлены появившимися новыми фольклорно-этнографическими и археологическими материалами. Анализ трудов А.П. Сапунова и В.К. Стукалича, написанных на рубеже XIX – XX веков, позволяет говорить о либерализации взглядов и витебских историков. Так в докладе «Белоруссия и белорусы», прочитанном Алексеем Парфеновичем на заседании Витебской ученой архивной комиссии 26 октября 1910 года, историк писал, что «особенности языка белорусов, их нравы и обычай, богатая народная литература и т.д. воочию доказывают существование отдельного белорусского племени»³. Тем самым, А.П. Сапунов опровергал мнение о неисторичности белорусского народа, подчеркивал наличие у него своей истории, особенностей в общественной и культурной жизни. В опровержение распространенного мнения о рабской психологии белоруса, его слабости, забитости в одной из лекций курса «Белорусоведение», который А.П. Сапунов читал в Витебском педагогическом институте, опираясь на высказывания людей науки, литературы, искусства, ученый отмечал: «Очень простые и душевные наши люди. У них в душе хранятся богатые духовные силы. И есть все основания надеяться, что в будущем белорусы выделят из своих недр великих людей... То, что в будущем ожидает белорусов, в значительной степени зависит от нашего отношения к обязанности перед дорогой Родиной. Если мы сможем выполнить свой долг добросовестно, то нас ожидает светлое и радостное будущее»⁴. Настоящим манифестом стало обращение Алексея Парфеновича с трибуны высшего законодательного органа Российской империи 30 июня 1909 года, в котором депутат от Витебской губернии поднял вопрос о самостоятельности белорусской нации. «Все даже самые незначительные народности, стремятся к «самоопределению», – говорил оратор, за ними все признают право на это. Только народность белорусская не смеет и думать об этом»⁵. Не идеализировал политику царского правительства в Беларуси и В.К. Стукалич. Весьма негативно оценивал историк уничтожение униатской церкви, подавление восстания 1863 года. Белорус по происхождению, Владимир Казимирович всегда с огромной симпатией и любовью высказывался в адрес белорусского народа: «Я люблю рослого, статного великоросса, с котомкой за плечами, в красной александрийской рубашке, с загорелым лицом, смелым взглядом; но милее моему сердцу, ближе тихий белячок, в своем бедном, но чистеньком наряде, с грустно-печальным взглядом и бледным, истомленным лицом»⁶.

¹ Сапунов А.П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и пределах Полоцкой епархии в частности. Витебск, 1910. С. 28.

² Государственный архив Витебской области, Фонд. 967. Оп. 2. Д. 1. л. 40.

³ Сапунов А.П. Белоруссия и белорусы. Витебск, 1910. С. 4.

⁴ Сапунов А.П. Краткая характеристика белоруса // *Віцебскі сшытак*. 1991. 14 сакавіка. С. 4.

⁵ Сапунов А.П. Речи в Государственной думе 3-го созыва. Спб., 1912. С. 37.

⁶ Букчин С. «Вы уже давно ищите правду». Ф.М. Достоевский и гимназист Владимир Стукалич. Повесть в письмах и комментариях. // *Звезда*. 2007. 6. С. 205.

Знакомство с работами прогрессивных ученых и исследователей, активное участие в общественно-политической жизни Витебской губернии, безграничная любовь к истории родного края воодушевляла витебских историков написание новых работ, освещавших различные стороны жизни родного края.

Так труды А.П. Сапунова по истории местных святынь, опубликованные в конце XIX – начале XX века, познакомили читателей с практически неисследованными страницами истории материальной и духовной культуры белорусского народа. Все чаще витебский историк, ссылаясь в своих выводах на авторитетные источники и архивные материалы, с гордостью заявлял, что величественные памятники архитектуры и зодчества – есть плод гения белорусского народа.

Еще одним аспектом исследовательской деятельности витебских историков явилось изучение языка. Называя в своих работах «белорусский язык» то «белорусским говором», то «белорусским наречием», А.П. Сапунов достаточно четко определяет его роль и значение в истории и культуре белорусского народа. «Главнейшие особенности современных белорусских говоров в большей или меньшей степени сложились не позже XIII века. Белорусское наречие некогда было языком местных деловых актов и грамот. По завоеванию западного края Литвой, оно осталось государственным языком литовско-русского великого княжества. Языком деловой официальной жизни белорусское наречие оставалось с XIV вплоть до XVIII века. Этому языку принадлежит Литовский Статут. На том же языке написаны так называемые литовские летописи: «Летопись Быховца» «Летопись великих князей литовских», «Варколабовская летопись»; издана Библия; многие из политических сочинений в эпоху религиозного движения XVII века также написаны на белорусском языке»¹. Особенно ценными историк считает сборники белорусской народной поэзии и труды Е.Р. Романова, Н.Я. Никифоровского и других, раскрывавшими в своих работах богатые духовные силы белорусского народа. Интересна эта тема была и для В.К. Стукалича. В брошюре «Краткая заметка о белорусском наречии», опираясь на работы исследователей белорусского наречия А. Соболевского и Е. Карского, автор приходит к выводу, что «белорусское наречие должно считаться самостоятельным, так как совокупность его характерных черт не повторяется ни в одном славянском языке»². Более того, В.К. Стукалич соглашается с выводом исследователя Житецкого, утверждавшего, что «в белорусском говоре гораздо больше оригинальности, так как в нем есть и такие черты, которые встречаются не в великорусских говорах, а только в наречии малорусском, и притом черты, мало поддающиеся теории заимствования»³.

Таким образом, с исторической точки зрения, присоединение Беларуси к России в конце XVIII века было прогрессивным явлением, способствовавшим развитию вместе с родственными по происхождению, языку и культуре русскими и украинцами. Но на рубеже XIX – XX веков русское влияние, особенно в культуре, начало приобретать сдерживающий характер, что неблагоприятно сказывалось на формировании самобытных черт духовной и материальной культуры белорусского народа. Но, и в таких условиях, благодаря стараниям местной белорусской интеллигенции, в частности А.П. Сапунова и В.К. Стукалича, в начале XX века «желание взглянуть в далекое прошлое предков, желание познать земли родной минувшую судьбу сделалось насущной проблемой»⁴ и способствовало развитию национально-освободительного движения.

1 Сапунов А.П. Белоруссия и белорусы. Витебск, 1910. С. 16-18.

2 Стукалич В.К. Краткая заметка о белорусском наречии. Витебск, 1898. С. 19.

3 Там же. С. 20

4 Первая экскурсия Витебской ученой архивной комиссии // Витебские губернские ведомости. 1911. 14 апреля. С. 2.